

художественную, не только ораторскую, речь). И лишь в виде уступки «вкусу нынешнего времени»³⁵ он решается привести «несколько правил о изобретении витиеватых речей».

Однако самое интересное, на наш взгляд, заключается в дальнейшей части недоцитированного нами до конца параграфа. Здесь Ломоносов предупреждает своих читателей о необходимости соблюдения чувства меры при «изобретении витиеватых речей», т. е. предлагает избегать того, что, в конечном счете, составляет существо, душу барокко как искусства маньеризма. «Но сие <«правила о изобретении витиеватых речей», — П. Б.> показываем, — пишет Ломоносов, — не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним италианским авторам, которые, сие писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются».³⁶

Затем следует пятнадцать параграфов, в которых излагаются правила о изобретении витиеватых речей, после чего Ломоносов вновь возвращается к предупреждениям читателей против злоупотребления этим приемом. Характерно, что здесь он еще более ироничен, чем в прежде цитированном § 130. «Сии правила, о изобретении витиеватых речей, — говорится в § 146, — предложены вовсе не в таком мнении, что они довольны во всем к сложению оных, но только для того, чтобы охотники до замысловатых предложений, к ним применившись, могли сами собою как в изыскании их самих, так и в сложении подобных правил далее простирались и употреблять в свою пользу». «Ни в чем, — подчеркивает Ломоносов, — красноречие не утверждается на примерах и на чтении и на подражании славных авторов, как в витиеватом роде слова, и нигде больше не служат остроумие и поворотливость разума, как в сем случае, ибо не токмо сие требуется, чтобы замыслы были нечаянны и приятны, но сверх того весьма остерегаться должно, чтобы, за ними излишне гоняючись, не завратясь, которой погрешности часто себя подвергают нынешние писатели, для того что они меньше стараются о важных и зрелых предложениях, о увеличении слова чрез распространения или о движении сильных страстей, нежели о витийстве».³⁷

При кажущемся полном сходстве только что цитированного § 146 с § 130 на самом деле между ними есть существенное различие: в § 130 Ломоносов предлагал остерегаться «нынешних италианских авторов», в § 146 — он распространяет свои предупреждения на «нынешних писателей» вообще, т. е., иными словами, он

³⁵ Если не ошибаюсь, здесь впервые в истории русской литературы введено было слово «вкус» в специфически эстетическом значении, задолго до журнальной полемики о понятии «вкус».

³⁶ Ломоносов, т. 7, стр. 205—206

³⁷ Там же, стр. 218—219.